

Vladislavs Volkovs, Dr. sc. soc., asociētais profesors
Baltijas Starptautiskā akadēmija
Latvia

Konfliktu risināšanas īpatnības tiesiskajā uzvedībā: etniskie aspekti. 3. daļa

Anotācija. Raksta trešās daļas mērķis ir parādīt respondentu attieksmi pret konfliktu situāciju atrisināšanas veidiem, kas tieši saistīti ar respondentu etnokultūras identitāti. Šis mērķis tiek atklāts etnisko atšķirību analīzē:

1. tiesiskās kultūras īpatnībās un tās attīstības līmenī, kas raksturīgi dažādo etnisko grupu pārstāvjiem;

2. attieksmē pret konflikta situāciju atrisināšanu, no vienas puses, ar savas etniskās grupas pārstāvjiem, un no otras puses, - ar citu etnisko grupu pārstāvjiem;

3. attieksme pret ksenofobijas izpausmēm masu informācijas līdzekļos pret savu etnisko grupu;

4. attieksmē pret starpetniskās komunikācijas visjutīgākajām problēmām.

2014.gadā Daugavpilī, starptautiskā pētnieciskā projekta ietvaros (vadītājs Varšavas Universitātes profesors *Jacek Kurczewski*), raksta autors veica socioloģisko pētījumu. Šā pētījuma "Strīdu paraugi un strīdu izšķiršana kā masu tiesiskās kultūras elementi" dati veido raksta empīrisko bāzi.

Atslēgas vārdi: tiesiskā kultūra, konflikta situācijas, starpetniskā komunikācija, etnokultūras kolektīvā identitāte

Vladislav Volkov, Dr. sc. soc., assoc. prof
Baltic International Academy
Latvia

Patterns of conflict resolution in legal behavior: ethnic aspects. Part three

Abstract. The article aims to display and analyze the nature of the attitude of the multi-ethnic population to the settlement of disputes and conflicts in the judicial system of Latvia. The goal is attained through the analysis of the significance of ethnic differences:

1. in influencing people's ideas about the judicial system in Latvia, the principles of fair justice implemented in it;
2. in assessing the importance of the judicial system in resolving conflicts that are not directly related to the ethno-cultural identity of the parties to these conflicts;
3. in assessing the importance of the judicial system in resolving conflicts that unfold over the public manifestations of collective ethno-cultural identities.

As an empirical base, the author used the data of sociological research "Patterns disputes and dispute resolution as the elements of legal mass culture" conducted by him in Daugavpils in 2014, as part of an international research project under the guidance of Professor of Warsaw University Jacek Kurczewski.

Keywords: legal system, judicial system, dispute resolution, ethno-cultural identity

Владислав Волков, Dr. sc. soc., ассоц.проф.

Особенности решения конфликтов в правовом поведении: этнические аспекты. Часть третья

Аннотация. В третьей части статьи ставится цель показать отношение респондентов к способам решения конфликтных ситуаций, которые непосредственно связаны с этнокультурной идентичностью их сторон. Эта цель раскрывается через анализ роли этнических различий:

1. в особенностях и уровня развития правовой культуры, которые характерны для представителей различных этнических групп;
2. в отношении к разрешению конфликтных ситуаций, с одной стороны, с представителями своей этнической группы, с другой стороны, - других этнических групп;
3. к проявлениям ксенофобии в средствах массовой информации по отношению к своей этнической группе;
4. по отношению к наиболее чувствительным проблемам межэтнической коммуникации.

Эмпирической базой статьи послужили данные социологического исследования «Образцы споров и разрешение споров как элементы массовой правовой культуры», которое автор статьи провёл в 2014 году в Даугавпилсе, как часть международного исследовательского проекта под руководством профессора Варшавского Университета Яцека Курчевского (*Jacek Kurczewski*).

Ключевые слова: правовая культура, конфликтные ситуации, межэтническая коммуникация, этнокультурная коллективная идентичность.

Отношение респондентов к способам решения конфликтных ситуаций, которые непосредственно связаны с этнокультурной идентичностью их сторон

Материалы проведённого в Даугавпилсе социологического исследования показали, что конфликтные ситуации, в которых участвуют представители различных этнических групп, складываются не только по поводу надэтнических ценностей. Об этих особенностях конфликтов и способов их решения речь шла в предыдущих двух частях статьи. Формы публичной реализации коллективной этнокультурной идентичности латышей и этнических меньшинств также могут стать предметом конфликта и становятся им. Источником таких конфликтов во многом являются различия, существующие в правовой культуре этнических групп Латвии, прежде всего, в интерпретации правовой и моральной справедливости, касающейся различного понимания как существующих норм латвийского законодательства, регулирующих основы государственной этнополитики, так и устойчивых представлений представителей этнических групп о желательной модели содержания этой политики, признанных государством и обществом форм защиты идентичности латышей и этнических групп, способов публичной реализации коллективной идентичности этнических групп, а также приемлемых форм межэтнической коммуникации.

Правовая культура общества, характеризующая «достигнутый уровень развития правовой организации» – сложное социальное образование, включающее в себя как государственную, публично-властную культуру, так и правовую культуру гражданского общества [26].

При существующей правовой культуре гражданского общества в нем акцентированы коллективные идентичности социальных, в том числе этнокультурных групп, что происходит также на уровне их политической мобилизации, которая характеризуется внутренней дифференциацией

Такая дифференциация является результатом различий в правосознании этнических групп, которые по разному осознают и оценивают систему права, что выражается в их групповом правосознании [27]. Существенные различия в правовом сознании и культуре социальных групп могут приводить к недооценке и игнорированию определённых социальных ценностей, которые группа не считает «правильными» [28].

Как показали материалы проведённого социологического исследования, наибольшие различия между латышами и этническими меньшинствами Даугавпилса (русскими и поляками) по отношению к утвердившейся политико-правовой системе в Латвии касаются вовсе не понимания общедемократических норм, ценностей, перспектив развития страны, а именно тех политических и правовых институтов, сложившихся практик латвийской этнополитики, которые непосредственно затрагивают интересы этнических меньшинств и сохранения их идентичности. Хотя для развитой правовой культуры демократического общества характерно признание равной ценности всех основных правовых норм, критическое отношение к противопоставлению одних норм другим, стратегия государственной этнополитики и её реализация нередко воспринимается представителями различных этнических групп, исходя именно из противопоставления правовых норм. Наибольшие расхождения связаны с интерпретацией содержания прав человека на реализацию его этнокультурной идентичности на индивидуальном уровне, с одной стороны, и на уровне публичной реализации этой идентичности, которая принимает в том числе и коллективные формы.

Признание индивидуального права на реализацию своей этнокультурной идентичности наиболее ярко проявляется в индивидуальных отношениях людей к представителями иной национальности. Так, в отношении к людям другой национальности у жителей Даугавпилса превалирует чувство симпатии. Самый высокий уровень симпатии по отношению к другим этническим группам выявлен у русских (по отношению к белорусам – 79,7%). Одновременно самый высокий уровень симпатии по отношению к «своей» этнической группе также выявлен у русских (87,6%) и у поляков (78,0%). Исследование подтвердило выводы и других латвийских социологов, что именно для латышей характерно более высокий уровень дистанцирования от других этнических групп в Латвии, в том числе и тех, кто живёт здесь исторически. Латыши по сравнению с опрошенными русскими и польскими жителями Даугавпилса испытывают меньше симпатии и одновременно самый высокий уровень безучастия по отношению ко всем предложенным для оценки этническим группам, то есть к русским, белорусам, полякам, евреям, эстонцам и литовцам (Таблица 17).

Таблица 17. Содержание устойчивых эмоций жителей Даугавпилса по отношению к людям иной национальности (%)

Виды устойчивых эмоций	Объект эмоций	Все респонденты	Латыши	Русские	Поляки
антипатия, враждебность	Латыши	3,6	1,8	5,5	3,5
	Русские	1,7	4,1	0,5	0,5
	белорусы	0,5	1,0	0	0,5
	Поляки	0,9	1,4	1,0	0,5
	Евреи	1,4	2,3	1,5	0,5
	Литовцы	1,1	2,3	0,5	1,0
	Эстонцы	0,6	1,0	0,5	0,5

тревога	Латыши	4,6	2,3	8,9	2,0
	Русские	4,2	7,3	0,5	4,5
	Белорусы	1,2	1,8	0	1,5
	Поляки	1,1	1,4	1,0	1,0
	Евреи	2,6	2,7	1,5	4,0
	Литовцы	1,2	1,8	0,0	2,0
	Эстонцы	1,2	1,8	0,5	1,5
стыд, вина	Латыши	3,1	3,6	2,5	3,0
	Русские	0,6	1,4	0,5	0
	Белорусы	0,3	0	1,0	0
	Поляки	0,5	0	0,5	1,0
	Евреи	0,8	1,0	0,5	1,0
	Литовцы	0,8	1,0	0,5	1,0
	Эстонцы	0,7	0	0,5	0,5
симпатия, доброжелательство	Латышам	67,2	70,9	64,9	68,0
	Русским	74,6	63,2	87,6	75,0
	белорусам	72,0	61,4	79,7	76,0
	Полякам	67,3	58,2	69,8	78,0
	Евреям	57,7	48,6	64,9	62,5
	литовцам	63,6	59,1	67,3	66,5
	Эстонцам	59,8	55,0	64,4	62,5
Безучастность	Латыши	12,3	11,8	11,9	15,5
	Русские	11,5	15,9	5,0	12,5
	Белорусы	18,0	26,8	12,9	14,0
	Поляки	21,8	30,0	20,8	11,5
	Евреи	28,6	35,5	25,2	23,0
	Литовцы	24,9	27,7	23,8	21,5
	Эстонцы	29,6	33,6	26,7	26,5

Влияние этнополитической реальности в Латвии, безусловно, сказывается и на межличностные отношения людей с различной этнической идентичностью. Особенно это касается ситуаций, когда назревают конфликты людей на бытовой почве и на службе (в учебном заведении). Абсолютное большинство опрошенных в обоих случаях стараются быстрее прекратить такие конфликты (71,8%). Возможно это связано и с тем, что для опрошенных любые межличностные конфликты неприемлемы. Однако лишь чуть больше половины респондентов (54,2% и 56,0%) признались, что их поведение в таком конфликте будет таким же, как и с представителем своей национальности. Это значит, что для остальной большой группы респондентов (около половины) поведение в таких ситуациях регулируется не только универсальными моральными нормами, «равноудалёнными» от этнокультурных характеристик людей. Почти половина опрошенных принимает во внимание и внеморальные регуляторы, задаваемые этнополитической реальностью в Латвии. Это подтверждает и признание половины респондентов (50,5% и 50,2%) в том, что они стараются более внимательно действовать в таком конфликте (Таблица 18). Однако это вовсе не означает, что респонденты ориентируются на свои представления о многоэтнической реальности в Латвии как результате реализации некоторых властных практик по «иерархизации» отношений латышей и этнических меньшинств, ведь позиции латышей по предложенным вопросам не сильно отличаются от мнения представителей этнических меньшинств. Очевидно, что в межличностных отношениях людей различных национальностей в Латвии обнаруживается существенное сходство с персонифицированными отношениями этнических (этно-лингвистических) общин.

В отношениях людей всегда присутствует их коллективная, групповая идентичность. Но не всегда эта идентичность подавляет межличностный характер коммуникации, которая вполне может регулироваться, исходя из моральных норм, без оглядки на социальные статусы людей.

Таблица 18. Действия в случае возникновения конфликта в бытовой обстановке и на службе/по месту учёбы с людьми другой национальности (%)

Виды действий	Все респонденты	Латыши	Русские	Поляки
Конфликт в бытовой обстановке				
Стараюсь его быстрее прекратить?	71,8	68,2	69,3	76,5
Поведение в конфликте будет таким же, как и с представителем своей национальности	54,2	54,1	50,5	62,5
Стараюсь более внимательно действовать в таком конфликте	50,5	54,1	53,5	47,5
Конфликт на службе/по месту учёбы				
Стараюсь его быстрее прекратить?	71,8	67,7	68,8	77,5
Поведение в конфликте будет таким же, как и с представителем своей национальности	56,0	57,7	52,5	62,5
Стараюсь более внимательно действовать в таком конфликте	50,2	50,9	53,0	49,0

Влияние индивидуальных устойчивых эмоций на отношение к представителям других этнических групп составляет важные элементы правовой культуры в многоэтническом обществе. Однако ещё большее значение в ней принадлежит распространённым представлениям о существующих правах на сохранение различных аспектов коллективной этнокультурной идентичности, например, с интерпретацией существующих прав этнических меньшинств на сохранение своей идентичности. В Латвии некоторые стороны этно-культурной коллективной идентичности этнических меньшинств получили гарантии сохранения со стороны государства. Это касается возможности издания прессы на языках этнических меньшинств. В Латвии существует билингвальное образование, в основном, образовании для детей из семей этнических меньшинств. На языках этнических меньшинств возможно частное образование, включая и высшее. Насколько знание об этих правах является составной частью общественного сознания в Латвии? Ранее не проводились исследования на эту тему. Поэтому научные данные о реальной оценке общества прав на сохранение этно-культурного разнообразия в стране не вполне точны. По этой причине реальные практики

этнических меньшинств в сфере сохранения идентичности этих групп населения проанализировать сложнее. Как показали данные описываемого исследования, очень весомая часть всех респондентов (78,9%) правильно ориентируется в вопросе о гарантированном праве на существовании СМИ на языках этнических меньшинств. Уровень владения информацией о существовании частного образования на языках этнических меньшинств примерно такой же (76,0%). Ниже оказался уровень осведомленности о праве части основного образования, финансируемое государством, функционировать на языках этнических меньшинств (68,2%). Но по этим вопросам довольно большая часть респондентов (примерно 20%-30%) не смогла дать утвердительный ответ. Это говорит о недооценке реальных возможностей, которыми обладают этнические меньшинства в сохранении своей идентичности в Латвии.

С другой стороны, довольно большая часть респондентов вполне уверена в том, что на языках этнических меньшинств «может функционировать высшее образование, финансируемое государством» (38,4%), а среди русских респондентов – почти половина (48,0%). Или же, что на этих языках «могут дублироваться названия населенных пунктов, где компактно проживают национальные меньшинства» (37,9%), и снова среди русских респондентов – почти половина (48,0%). Половина всех респондентов (50,0%) уверена, что на языках этнических меньшинств «можно составлять жалобы и обращения в муниципальные органы власти», а более трети (38,2%) – что «на них можно составлять жалобы и обращения в государственные органы власти». Население Даугавпилса в этих вопросах имеет явно преувеличенное представление о правах этнических меньшинств. Но оценить эту ситуацию без дополнительных исследований однозначно нельзя. Хотя, конечно, более оптимистический взгляд на возможности этнических меньшинств в Латвии, отличающийся от действительного положения вещей, способствует снижению потенциала этнополитического конфликта и стабилизации этнополитической ситуации (Таблица 19).

Таблица 19. Наличие прав языков этнических меньшинств в Латвии (ответ «да», %)

Содержание прав языков этнических меньшинств	Все респонденты	Латыши	Русские	Поляки
На них могут существовать средства массовой информации	78,9	80,0	82,7	74,0
На них может функционировать часть основного образования, финансируемое государством	68,2	64,6	76,7	61,5
На них может функционировать частное образование	76,0	75,5	78,2	75,0
На них может функционировать высшее образование, финансируемое государством	38,4	39,6	48,0	25,0
На них могут дублироваться названия населенных пунктов, где компактно проживают национальные меньшинства	37,9	35,0	48,0	32,5

На них можно составлять жалобы и обращения в муниципальные органы власти	50,0	48,2	60,9	40,5
На них можно составлять жалобы и обращения в государственные органы власти	38,2	34,1	51,5	30,0
Если представители власти не дают ответа на запросы на языках национальных меньшинств, то на этих чиновников можно подавать в суд	19,7	17,7	22,2	18,0

Уровень развитости правовой культуры по показателю готовности её носителей активно противостоять публичным высказываниям, унижающим их человеческое достоинство, связанное с принадлежностью к тем или иным этническим группам

В социологическом исследовании ставилась задача определить реакцию латышей, поляков и русских Даугавпилса на высказывания, содержащие в средствах массовой информации, оскорбляющие этническую идентичность этих групп общества. Половина респондентов (50,6%) заявила, что, когда встречает такие высказывания, то не обращает на них внимания. Конечно, в этом порявляется привыкание к раздуваемому некоторыми СМИ состоянию этнической ненависти. Даже обсуждение в узком кругу родственников и друзей этой темы характерно только для 61,8%, что менее двух третей респондентов. Открыто дискутировать по этому вопросу с «представителями той национальности, которая часто высказывает негативные оценки национальной группе, к которой принадлежит» респондент решаются менее трети опрошенных (28,5%). У русских респондентов эта доля оказалась ещё ниже - 23,3%. Такие вопросы респонденты склонны передоверять политическим партиям, за которые будут голосовать на очередных выборах (58,5%). Русские респонденты будут это делать даже чаще (в 66,8% случаев). И что особенно неприятно, негативный этнополитический фон в части латвийских СМИ напрямую ухудшает межэтнические отношения, провоцирует самоизоляцию этно-лингвистических общин и отдаление друг от друга. Позицию «я стараюсь не общаться с людьми той национальности, которая более всего высказывает негативные оценки национальной группе, к которой я принадлежу» поддержали более трети всех респондентов (36,8%), в том числе более двух пятых поляков (42,5%) и русских (41,1%). Эти цифры вносят также существенные корректировки в реальный уровень межэтнических симпатий в Латвии (Таблица 20).

Таблица 20. Реакция респондентов на несправедливые и обидные высказывания в средствах массовой информации по отношению к их этническим группам (ответ «да», %)

Виды реакций	Все респонденты	Латыши	Русские	Поляки
Не обращаю внимания	50,6	49,1	46,0	57,0
Обсуждаю с друзьями, родственниками	61,8	57,7	67,3	62,0

Дискутирую с представителями той национальности, которая часто высказывает негативные оценки национальной группе, к которой я принадлежу	28,5	31,4	23,3	29,0
Я буду на выборах голосовать за ту партию, которая защищает мою национальность	58,5	58,6	66,8	49,5
Я стараюсь не общаться с людьми той национальности, которая наиболее высказывает негативные оценки национальной группе, к которой я принадлежу	36,8	28,6	41,1	42,5

Публичная межэтническая коммуникация выступает важнейшей сферой реализации и формирования правовой культуры носителей различных этнических идентичностей. Сложные межэтнические проблемы респонденты считают важным обсуждать как в частном пространстве, так и в публичной сфере. Более половины всех респондентов считают, что это нужно делать в различных дискуссиях с представителями разных национальностей (73,8%), в прессе (66,1%), с представителями власти и политиками (59,8%), с депутатами той партии, за которую голосовали на выборах респонденты (55,0%). Более половины опрошенных также считает важным обсуждение этих проблем в частно-публичной сфере с коллегами по работе и учебе (56,2%) и в частной жизни - с друзьями (66,7%) и родственниками (68,9%). А вот обсуждение в анонимных комментариях в интернете, в котором чаще всего разгорается межэтническая ненависть и агрессия, не пользуется особой популярностью среди опрошенных (30,7%). Представители этнических меньшинств (поляки и особенно русские жители Даугавпилса) чаще по сравнению с латышами высказывают желание обсуждать межэтнических проблемы. Например, обсуждение этой темы с представителями власти, политиками считают важным 72,8% русских и 50,5% латышей, с депутатами той партии, за которую голосовали на выборах респонденты - 65,3% русских и 46,4% латышей и т.д. Это явный показатель того, что межэтнические проблемы не получили адекватного решения в обществе и, прежде всего, в видении латвийских русских (Таблица 21).

Таблица 21. Доли респондентов, считающих необходимым обсуждать межнациональные проблемы общества (%)

Сферы и стороны обсуждений	Все респонденты	Латыши	Русские	Поляки
В прессе	66,1	58,2	73,8	66,0
В анонимных комментариях в интернете	30,7	25,9	31,2	32,0
В различных дискуссиях с представителями разных национальностей	73,8	75,9	76,7	68,5
С друзьями	66,7	58,6	73,8	70,5
С родственниками	68,9	67,3	72,8	70,5

С коллегами по работе (учебе)	56,2	50,9	62,4	57,5
С представителями власти, политиками	59,8	50,5	72,8	57,0
С депутатами той партии, за которую респондент голосовал на выборах	55,0	46,4	65,3	54,0
Не стоит вообще эти вещи обсуждать ни с кем	10,7	9,5	10,9	14,0

Однако между заявляемой готовностью обсуждать меэтнические отношения и практикуемым реальным обсуждением этой темы выявились серьёзные различия. Особенно это касается двух важных событий в общественно-политической жизни Латвии, напрямую затрагивавших отношения латышей и русскоязычного населения страны – это инициатива о переводе всего образования в Латвии только на латышский язык (2011) и референдум о присвоении русскому языку статуса второго государственного (2012). И в первом и во втором случаях в обсуждении этих тем как в публичном, так и частном пространствах участвовало менее половины респондентов. Имеются примерно двукратные различия между готовностью обсуждать межэтнические проблемы в Латвии и участием в реальном обсуждении перевода образования на латышский язык и референдума о русском языке с представителями разных национальностей (73,8% и 32,4%/38,9% соответственно), с друзьями и родственниками (66,7% - 68,9% и 32,2%/39,0% - 35,5%/47,2%). В то же время, есть треть респондентов как среди латышей, так и этнических меньшинств, кто реально обсуждал знаковые инициативы и события в новейшей этнополитической жизни в совместных дискуссиях – это довольно высокий показатель этнополитической активности людей и концентрированности общественного сознания на вопросах этнополитики (Таблицы 22 и 23).

Таблица 22. Факт обсуждения инициативы о переводе всего образования в Латвии только на латышский язык (%)

Сферы и стороны обсуждений	Все респонденты	Латыши	Русские	Поляки
Ни с кем не обсуждал(а)	42,0	45,5	33,7	47,0
Обсуждал(а) только с родственниками	35,5	37,7	35,1	35,0
Обсуждал(а) только с друзьями	32,2	33,2	35,1	30,5
Обсуждал(а) с разными людьми, в том числе и с коллегами по работе	34,1	30,0	43,1	31,0
Обсуждал(а) только с представителями своей национальности	13,3	11,8	11,9	17,0
Обсуждал(а) как с латышами, так и с русскими	32,4	29,1	34,7	32,5

Таблица 23. Факт обсуждения результатов референдума 2012 года о присвоении русскому языку статуса второго государственного (%)

Сферы и стороны обсуждений	Все респонденты	Латыши	Русские	Поляки
Ни с кем не обсуждал(а)	36,1	38,2	30,2	42,5
Обсуждал(а) только с родственниками	47,2	51,8	49,5	42,5
Обсуждал(а) только с друзьями	39,0	41,4	41,6	35,5
Обсуждал(а) с разными людьми, в том числе и с коллегами по работе	37,3	28,6	45,5	38,0
Обсуждал(а) только с представителями своей национальности	13,0	13,6	13,9	11,5
Обсуждал(а) как с латышами, так и с русскими	38,9	36,8	38,6	40,0

Такие различия требуют объяснения. Скорее всего, эти знаковые события в первой половине 2010-х годов (инициатива перевода всего образования на государственный язык и референдум о русском языке как втором государственном) выступили важнейшими факторами резкого обострения этнополитической ситуации в Латвии. И, естественно, что не все респонденты, выступающие за необходимость обсуждения вопросов межэтнических отношений, готовы были к открытому обсуждению этих очень конфликтных тем. Эти темы не вписывались в привычный стиль коммуникации между латышами и русскоязычным населением, поэтому и изымались из актуального обсуждения. И, как показывает тематика латвийских СМИ как на латышском, так и на русском языках в последние годы, тема инициативы о переводе всего образования на государственный язык и референдума о русском языке практически полностью средств массовой информации. Общество продолжает жить в той модели институционализации отношений этно-национального большинства и этнических меньшинств, которая утвердилась ещё в начале 1990-х годов. В подобной ситуации, когда затрагиваются непосредственно сами утвердившиеся статусы этнических групп и их символическое оформление [29], совсем непросто включать их в текущие этнополитические дискуссии. В то же время, по своему содержанию вопросы, которые были подняты этой инициативой и референдумом, слишком объёмны, связаны с множеством практических аспектов межэтнических отношений. И, если столь большая доля опрошенных эти события не обсуждала, то это ставит под сомнение заявленные намерения большинства респондентов широко дискутировать о межэтнических отношениях в частном и публичном пространстве. Скорее всего, в правовой культуре значительной части латвийского общества произошёл разрыв между лояльностью к процедурным элементам демократии, в том числе, и по отношению к необходимости проведения и участия в публичных дискуссиях по политическим вопросам, и реальным поведением в соответствии с декларируемыми ценностями. Декларируемые ценности политического участия, в том числе и дискуссий, приобретают характер не столько набора практических средств решения реальных проблем, сколько политических символов, изолированных от таких решений и от «повседневной рутины» [30].

Краткое заключение

Латвийское гражданское общество является ярким примером многоэтничности и многокультурности, которые проявляются не только в частной жизни людей, но и актуализированы на уровне коллективных идентичностей как латышей, так и этнических меньшинств.

Многоэтничность и многокультурность отражается на диверсификации ценностей в правовой культуре, что является важным признаком латвийского гражданского общества.

Особенно наглядно эти различия видны при решениях конфликтных ситуаций, возникающих между представителями разных этнических групп. Сложившиеся сети межэтнической коммуникации должны способствовать стремлению согласовывать интересы этих групп, но, как показывают материалы проведённого социологического исследования, респонденты не склонны доверять публичному обсуждению с другими этническими группами вопросов, касающихся наиболее важных способов воспроизводства своей этнокультурной идентичности.

Список использованных источников

1. V1 nodaļa (2018). Latvijas Republikas Satversme. <https://likumi.lv/doc.php?id=57980> (14.6.2016) Par tiesu varu. (2018) <https://likumi.lv/doc.php?id=62847> (12.2.2018)
2. Зотов Д.В., Сыщикова Т.М. (2013) Какой поступок умаляет авторитет судебной власти? Судебная власть и уголовный процесс. №2. Сс. 144 – 151.
3. Развейкина Н.А. (2016) Доверие населения к судебной власти. Юридический вестник Самарского университета. Сс. 99 – 105.
4. Хёффе О. (2007) Справедливость. Москва: Праксис.
5. Hrehová H. (2014) Morality and justice in social life. *Studia Philosophiae Christianae*. No. 50.3. Pp. 8 – 19.
6. Smith D. J. (1997) Ethnic Origins, Crime, and Criminal Justice in England and Wales. In: M. Torny (ed.) *Ethnicity, Crime and Immigration: Comparative and Cross-National Perspectives*. Chicago: Chicago University Press. Pp. 101-182.
7. Jackson J., Pooler T., Hohl K., Kuha J. (2011) Trust in Justice: Topline Results from Round 5 of the European Social Survey. London: Ene Institute for Criminal Policy Research, Birkbeck, University of London.
8. Van de Walle S. (2009) Trust in the Justice System: A Comparative View Across Europe. *Prison Service Journal*. Issue 183. Pp. 22 – 26.
9. Austere L., Kalniņš V. (2010) Ētikas jautājumi un korupcijas riski Rīgas apgabaltiesā. Rīga: Sabiedriskās politikas centrs Proverdis.
10. Litvins G. (2014) Likuma vara un taisnīguma nodrošināšana. – Rozenvalds J. (ed.) *Cik demokrātiska ir Latvija? Demokrātijas audits, 2005–2014*. Rīga: LU Sociālo un politisko pētījumu institūts.
11. Veidne: Latvijas iedzīvotāju nacionālais sastāvs. (2018) https://lv.wikipedia.org/wiki/Veidne:Latvijasiedz%C4%ABvot%C4%81ju_nacion%C4%81lais_sast%C4%81vs (5.10.2018)
12. Рига. (2018) <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B8%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%B5%D0%B7%D0%B5%D0%BA%D0%BD%D0%B5> (5.10.2018).
13. Даугавпилс. (2018) <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B0%D0%B3%D0%B0%D0%B2%D0%BF%D0%B8%D0%BB%D1%81> (5.10.2018).
14. Елгава. (2018) <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%95%D0%BB%D0%B3%D0%B2%D0%B0> (5.10.2018).
15. Лиепая. (2018) <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D0%B8%D0%B5%D0%BF%D0%B0%D1%8F> (5.10.2018).
16. Резекне. (2018) <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B5%D0%B7%D0%B5%D0%BA%D0%BD%D0%B5> (5.10.2018).
17. Юрмала. (2018) <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D0%BB%D0%B0> (5.10.2018).
18. Daugavpils. (2016) https://lv.wikipedia.org/wiki/Daugavpils#Etniskais_sastavs. (5.10.2018).
19. Iedzīvotāju skaita sadalījums pēc valstiskās piederības 2016.gada 1.janvārī (%). (2016) Centrālā statistikas pārvalde. www.csb.gov.lv
20. Nikišins J., Rozenvalds J., Zepa B. (2014) Politiskā kultūra un demokrātija. – Rozenvalds J. (ed.) *Cik demokrātiska ir Latvija?: Demokrātijas audits, 2005–2014*. Rīga: LU Sociālo un politisko pētījumu institūts.
21. Rajevska F. (2014) Ekonomiskās un sociālās tiesības. – Rozenvalds J. (ed.) *Cik demokrātiska ir Latvija?: Demokrātijas audits, 2005–2014*. Rīga: LU Sociālo un politisko pētījumu institūts. 97. lpp.

22. Almond G.A., Verba S. (1963) The Civic culture. Political attitudes and democracy in five nations. Nee York, Princeton. http://www.civisbook.ru/files/File/1992-4-Almond_Verba.pdf
23. Макинтаир А. (2000) После добродетели: Исследования теории морали. Москва: Академический Проект. С. 342 – 343.
24. Хёффе О. (2007) Справедливость. Москва: Праксис. С. 39, 140.
25. Нерсесянц В.С. (2000) Общая теория права и государства. Москва: Издательство НОРМА. С. 267 – 268, 272 – 274.
26. Малахов В.П., Казаков В.Н. (ред.) (2002) Теория государства и права. Москва: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга. С. 301.
27. Osipova S. (2010) Ievads tiesību socioloģijā. Rīga: Tiesu namu aģentūra. 126. Lpp.
28. Horowitz D. (1996) Symbolic Politics and Ethnic Status. – Hutchinson J., Smith A.D. (eds.) Ethnicity. Oxford, New York: Oxford University Press. P. 285.
29. Gans H.J (1996) Symbolic Ethnicity. – Hutchinson J., Smith A.D. (eds.) Ethnicity. Oxford, New York: Oxford University Press. Pp. 146-147.

References

1. V1 nodaļa (2018). Latvijas Republikas Satversme. <https://likumi.lv/doc.php?id=57980> (14.6.2016)
2. Par tiesu varu. (2018) <https://likumi.lv/doc.php?id=62847> (12.2.2018)
3. Zotov D. V., Syshchikova T. M. (2013). What act diminishes the authority of the judiciary? The judiciary and criminal procedure. No. 2. Pp. 144 – 151.
4. Razveikina N.A. (2016) Public confidence in the judiciary. Journal of law of Samara University. Pp. 99 – 105.
5. Hoffe O. (2007) Justice. Moscow: Praxis.
6. Hrehová H. (2014) Morality and justice in social life. Studia Philosophiae Christianae. No. 50.3. Pp. 8 – 19.
7. Smith D. J. (1997) Ethnic Origins, Crime, and Criminal Justice in England and Wales. In: M. Torny (ed.) Ethnicity, Crime and Immigration: Comparative and Cross-National Perspectives. Chicago: Chicago University Press. Pp. 101-182.
8. Jackson J., Pooler T., Hohl K, Kuha J. (2011) Trust in Justice: Topline Results from Round 5 of the European Social Survey. London: Ehe Institute for Criminal Policy Research, Birkbeck, University of London.
9. Van de Walle S. (2009) Trust in the Justice System: A Comparative View Across Europe. Prison Service Journal. Issue 183. Pp. 22 – 26.
10. Austere L., Kalniņš V. (2010) Ētikas jautājumi un korupcijas riski Rīgas apgabaltiesā. Rīga: Sabiedriskās politikas centrs Providus.
11. Litvins G. (2014) Likuma vara un taisnīguma nodrošināšana. – Rozenvalds J. (ed.) Cik demokrātiska ir Latvija?: Demokrātijas audits, 2005–2014. Rīga: LU Sociālo un politisko pētījumu institūts.
12. Veidne: Latvijas iedzīvotāju nacionālais sastāvs. (2018) https://lv.wikipedia.org/wiki/Veidne:Latvijasiedz%C4%ABvot%C4%81ju_nacion%C4%81lais_sast%C4%81vs (5.10.2018)
13. Rīga. (2018) [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B8%D0%B3%D0%B0#Ethnic composition](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B8%D0%B3%D0%B0#Ethnic_composition) (5.10.2018).
14. Daugavpils. (2018) <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B0%D1%83%D0%B3%D0%B2%D0%BF%D0%B8%D0%BB%D1%81> (5.10.2018).
15. Jelgava. (2018) <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%95%D0%BB%D0%B3%D0%B0%D0%B2%D0%B0> (5.10.2018).
16. Liepāja. (2018) <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D0%B8%D0%B5%D0%BF%D0%B0%D1%8F> (5.10.2018).
17. Rēzekne. (2018) <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B5%D0%B7%D0%B5%D0%BA%D0%BD%D0%B5> (5.10.2018).
18. Jūrmala. (2018) <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D0%BB%D0%B0> (5.10.2018).
19. Daugavpils. (2016) https://lv.wikipedia.org/wiki/Daugavpils#Etniskais_sastavs. (5.10.2018).
20. Iedzīvotāju skaita sadalījums pēc valstiskās piederības 2016.gada 1.janvārī (%). (2016) Centrālā statistikas pārvalde. www.csb.gov.lv
21. Ņikišins J., Rozenvalds J., Zepa B. (2014) Politiskākultūra un demokrātija. – Rozenvalds J. (ed.) Cik demokrātiska ir Latvija?: Demokrātijas audits, 2005–2014. Rīga: LU Sociālo un politisko pētījumu institūts.
22. Rajevska F. (2014) Ekonomiskās un sociālās tiesības. – Rozenvalds J. (ed.) Cik demokrātiska ir Latvija?: Demokrātijas audits, 2005–2014. Rīga: LU Sociālo un politisko pētījumu institūts. P. 97.
23. Almond G.A., Verba S. (1963) The Civic culture. Political attitudes and democracy in five nations. Nee York, Princeton. http://www.civisbook.ru/files/File/1992-4-Almond_Verba.pdf

24. MacIntyre A. (2000) *After Virtue. A Study of Moral Theory*. Moscow: Akademicheskiy Project. Pp. 342 – 343.
25. Hoffe O. (2007) *Justice*. Moscow: Praxis. Pp. 39, 140.
26. Nersesianz V.S. (2000) *General theory of law and state*. Moscow: Publishing House NORMA. Pp. 267 – 268, 272 – 274.
27. Malakhov V.P., Kazakov V.N. (eds.) (2002) *Theory of state and law*. Moscow: Akademicheskiy Project; Yekaterinburg: Delovaya knyga. P. 301.
28. Osipova S. (2010) *Ievads tiesību socioloģijā*. Rīga: Tiesu namu aģentūra. P. 126.
29. Horowitz D. (1996) *Symbolic Politics and Ethnic Status*. – Hutchinson J., Smith A.D. (eds.) *Ethnicity*. Oxford, New York: Oxford University Press. P. 285.
30. Gans H.J (1996) *Symbolic Ethnicity*. – Hutchinson J., Smith A.D. (eds.) *Ethnicity*. Oxford, New York: Oxford University Press. Pp. 146-147.